В результате можно указать лишь на несколько произведений XVI—XVII вв., где описания природы по производимому впечатлению отчасти приближаются к аввакумовским. В их составе при этом важную роль играют перечни. Это описание природы, окружающей усадьбу, в 12-м наказании митрополита Даниила,[15] описание пустыни в Повести о царевиче Дмитрии С. И. Шаховского,[16] описание Сибирской земли в Строгановской летописи[17] и описание природы вокруг некоей усадьбы в сатирическом Сказании о роскошном житии и веселии.[18] При всем различии пейзажей (кроме описаний Даниила и Шаховского, остальные более плоскостны) у них есть общая черта. Природа описывается для того, чтобы показать, что существует мир, где социальную жизнь людей можно построить заново, лучше прежней. Поучение Даниила зовет человека «прохлажатися» от суеты и разврата, повесть Шаховского — «избежать от печали» и «мятежей» Смуты, Житие Аввакума — «упокоиться» от никониан, Строгановская летопись — заселить богатый край. Сказание же о роскошном житии и веселии посмеивается над этой мечтой: нет такой земли, где все готово для сытой и беззаботной жизни каждому, кто бы ни приехал. Таким образом, пейзажи Аввакума не стоят в литературе особняком. Наблюдения над отдельными, частными их элементами вводят в широкий круг стилистических проблем литературы и искусства.

СПб., 1896, стр. 103, 104); Лесные деревья, окружающие стены монастыря, за которыми стоит Сергий Радонежский, и играющие у стен животные с их замкнуто-круговым движением (М. Владимиров, Г. П. Георгиевский. Древнерусская миниатюра. Academia, 1933, № 79). Иногда в одном и том же сборнике характер «пустыни» может резко меняться. Оставаясь в общем небольшой, пустыня то сумрачно-таинственна, то светла и тиха, то с реалистической передачей разных видов деревьев — хвойных и лиственных, с характерным наклоном их верхушек и ветвей (Лицевой сборник житий. БАН, 34.3.27, лл. 41, 66, 95). В связи с «житийными» пустынями, может быть, не лишне упомянуть многочисленные гравюры, изображающие местности вокруг монастырей.

[15] В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, Приложения, стр. 25—26.

[16] Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени (РИБ, т. 13, изд. 2, СПб., 1909, стлб. 839—842).

[17] Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 59—60.

[18] Русская демократическая сатира XVII в. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 39—42.

Стремление показать мир природы, громадный и беспредельный, можно, по-видимому, заметить и в некоторых памятниках русского искусства XVII в. Например, если в первую треть XVII в. пейзаж на иконах «Иоанн Предтеча в пустыне» производит впечатление «лирического отступления» (см.: А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства. — Искусство, 1940, № 5, стр. 92), то в последнюю четверть XVII в. за фигурой святого виден бесконечный лес из слившихся «пейзажных» клейм, который обходить можно целую жизнь (см.: В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи XI—начала XVIII в., т. 2. М., 1963, стр. 472—473, № 997; Древние иконы старообрядческого кафедрального покровского собора при Рогожском кладбище в Москве. М., 1956, стр. 117, № 46).

Величественный пейзаж не «паркового» характера встречается в скромных рисунках пером сборной житийной рукописи конца XVII—начала XVIII в. (БАН, собр. Плюшкина, № 103). Иллюстрировано только житие Кирилла Белозерского, причем все пять рисунков посвящены одному и тому же сюжету: явление богородицы Кириллу, которая указывает на громоздящийся лес. В нем, за горами и за озером, будет основан монастырь, который, впрочем, уже виден (лл. 174 об., 190, 192, 258, 259 об.). Наиболее удачен третий рисунок, где сплошные лесные купы, перерезаемые по диагоналям цепями овальных крутых гор и видимые как бы далеко сверху, все повторяются и повторяются до верхнего края листа. Создается впечатление громадного лесного массива с сильно повышенным горизонтом, словно нависшим над наблюдателем. Все рисунки вклеены в рукопись и написаны другими чернилами, нежели текст жития. Судя по характеру штриховки гор, куп деревьев и складок одежд, они, возможно, перерисованы с какой-то гравюры (у Д. Ровинского и А. А. Сидорова о такой гравюре не упоминается).